

Фриц Вентцель
Обратный билет. Воспоминания о
немецком летчике, бежавшем из плена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=608835

Вентцель Ф. Обратный билет. Воспоминания о немецком летчике, бежавшем из плена / Пер. с англ. Т.Е. Любовской: Центрполиграф; М.; 2004
ISBN 5-9524-1341-2

Аннотация

В книге рассказывается о жизни бывших немецких офицеров в лагерях для военнопленных, расположенных в Англии и Канаде. Главный герой – Франц фон Верра прославился как единственный немецкий военнопленный, сумевший дважды бежать из плена: английского и канадского. Удивительную историю его побегов рассказывает Фриц Вентцель, лично знавший фон Верру.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Фриц Вентцель

Обратный билет. Воспоминания о немецком летчике, бежавшем из плена

Глава 1 В ЛУЧАХ ПРОЖЕКТОРА

Онемевшими пальцами я вцепился в свой спасательный жилет. Не зная, как поступить, я намеренно тянул время. Может быть, надо официально представиться? С другой стороны, англичане вряд ли ожидают, что потерпевший кораблекрушение, промокший насквозь моряк, одетый лишь в нижнюю рубашку, брюки и носки, станет представляться по всей форме, как того требуют международные правила. В конце концов я просто назвал свое имя и звание и последовал за матросом. Он проводил меня на корму, где для меня была приготовлена горячая ванна. Я стянул свою мокрую одежду и погрузился в воду.

– Какой сегодня день? – спросил я моряка, который отжимал мою мокрую одежду.

– Тридцатое октября, сэр.

Это коротенькое вежливое слово «сэр» приободрило меня.

– Холодновато сегодня для купания, не так ли, сэр? – решил спросить он.

Дружелюбие и сочувствие, сквозившие в его голосе, воодушевили меня.

– Да, немного, – сказал я, твердо решив не вылезать из горячей ванны, пока меня оттуда не выгонят.

Ведь я только что с полчаса барахтался в ледяной воде. Наверное, я был слишком занят своими мыслями, хотя теперь, по прошествии времени, я никак не могу вспомнить, о чем же я думал в течение тех тридцати минут, что провел в полном одиночестве в водах Атлантического океана. Матрос унес мои вещи в машинное отделение для просушки, и я остался один.

На первый взгляд положение вещей представлялось немного забавным. «Всем за борт!» – прокричал Йениш. Мы столпились на верхней палубе «U-32», беспомощно глядя на два эсминца, что забросали нас глубинными бомбами и вынудили нашу лодку подняться на поверхность. «Я открываю кингстоны», – добавил Йениш и с этими словами исчез в лодке, чтобы своими руками затопить судно. «Считаю до трех! – прокричал я экипажу. – На счет «три» все прыгают за борт». Матросы колебались, глядя на неприветливую серую воду. Вокруг нас свистели снаряды. «Надо скорее выбираться отсюда, – подумал я, – или нас всех тут перебьют».

«Раз!» – закричал я...

На счет «три» я, заставив себя не думать о ледяной воде, прыгнул за борт.

Мой спасательный жилет оказался в полном порядке и исправно держал меня на воде. Целы ли остальные? Я огляделся вокруг. Я был совершенно один. Подводная лодка была уже в сотне ярдов от меня, и расстояние между нами все увеличивалось. Ее двигатели все еще работали. А я был совершенно один в этом безбрежном и глубоком океане. Когда я подумал о том, что сказали бы мои друзья, я не выдержал и рассмеялся – мне и в голову не приходило, что может возникнуть такая ситуация. Какого дьявола все остальные не прыгнули вместе со мной? На самом деле я прекрасно знал, почему они так поступили и что они думали. Старик отправился вниз открывать кингстоны и оставил вместо себя какого-то сопливого юнца. Прыгать вместе с ним за борт? Да ни за что!

Когда такие, как я, желторотые юнцы оканчивали специальные курсы командиров подводных лодок, нас приставляли в качестве «подмастерьев» к более опытным командирам,

чтобы мы узнали, что к чему, и понюхали пороху, прежде чем нам доверят подлодку. Члены экипажа не воспринимали нас всерьез, в их глазах мы не были «настоящими подводниками».

Я был временно откомандирован под начало лейтенанта Йениша, командира субмарины «U-32». Он считался одним из лучших моряков и уже удостоился самых высших наград.

25 октября 1940 года, за пять дней до случившегося, «U-32» вышла из Лорьяна – французского порта, который использовался для стоянки немецких подводных лодок во время войны. Наша боевая задача была сформулирована кратко и исчерпывающе: ведение войны в Северной Атлантике. Мы провели в море около суток, когда получили радиограмму, в которой сообщались координаты большого британского пассажирского судна «Императрица Британии». Судно подверглось бомбардировке, и нам предстояло окончательно потопить его. Мы направились в указанное место – это было у западного побережья Ирландии – и там обнаружили, что два буксира под охраной двух эсминцев тянут «Императрицу Британии» в порт. Нам удалось выполнить поставленную перед нами задачу. Мы потопили судно и спокойно удалились. С двух залпов пустить на дно 2000 тонн. Неплохо! Мы доложили о нашем успехе командованию и спустя несколько часов услышали, как об этом объявили в специальной сводке новостей.

Через два дня все в тех же водах Атлантики мы засекли огромный пароход. Нам потребовалось несколько часов, чтобы выйти на позицию для обстрела, не вызвав подозрений у капитана судна. «Торпеды к бою!», «Торпеды готовы!», «Огонь!» Мы были уверены в успехе. Еще немного, и список наших успехов потяжелеет еще на 15 000 тонн! Но наша торпеда неожиданно взорвалась в 150 ярдах от лодки. Что за невезение! Капитан парохода заметил вздыбившийся фонтан воды и немедленно изменил курс. Черт побери, неужели мы дадим ему уйти? На таком огромном судне наверняка перевозится ценный груз. Мы всплыли на поверхность и пустились догонять судно. Только через несколько часов нам удалось занять положение, удобное для стрельбы. К этому времени видимость заметно ухудшилась. На всякий случай Йениш дал команду погружаться и прильнул к перископу. С корабля увидеть нас было невозможно, и капитан, по всей видимости, решил, что мы остались далеко позади. Теперь пароход держал курс на восток, к Северному проливу.

Мы уже собирались атаковать судно, как вдруг наш акустик сообщил о шуме винтов судна, приближающегося с противоположной стороны. Йениш, стоявший у перископа, конечно, сразу же повернул его, но, ничего не увидев, решил, что акустик ошибся на 180° в определении местоположения корабля, и вернулся к наблюдению за намеченной жертвой.

«Шум винтов за кормой по левому борту усиливается», – доложил акустик.

Йениш снова повернул перископ. После этого все произошло в одно мгновение.

«Опустить перископ! Погружение на шестьсот футов!»

Командир повторил команду так спокойно, словно мы были в тренировочном походе. И тут нашу лодку ощутимо тряхнуло. К счастью, глубинная бомба взорвалась слишком далеко, чтобы причинить вред субмарине. Но за этим взрывом последовал другой, а потом еще один, а затем целая серия взрывов. Нас забрасывали глубинными бомбами. Мы погрузились на 600 футов и затаились.

Ни одного звука не должно было доноситься с борта подлодки.

Оказывается, Йениш совершенно неожиданно обнаружил в перископ эсминец. Корабль двигался прямо на нас, чуть поодаль шел второй эсминец.

Теперь мы знали, что на нас открыта охота. Мы должны были сидеть тихо, как мыши. Команды отдавались еле слышным шепотом, и проклятие должно было пасть на голову того, кто осмелился бы чихнуть! Наше присутствие должно было оставаться незамеченным даже для самой чуткой акустики. Неожиданно над корпусом лодки мы слышали странный шум – словно кто-то швырял в нас песок и тот, шурша, скатывался со стальных бортов субмарины.

Наш акустик доложил, что шум винтов усиливается. Через несколько мгновений мы и сами услышали его. Он раздавался прямо над нашей лодкой.

Ощущение было как при воздушном налете. Только неделю назад я, скорчившись, сидел в подвале в Лорьяне, а над головой рвались британские бомбы. Самое худшее в такой ситуации – чувство бессилия.

«Полная скорость и право руля!» – скомандовал Йениш.

Один за другим стали рваться снаряды из второй партии. Одна бомба разорвалась слишком близко, и мы почувствовали себя крайне неудобно. Затем раздался грохот, словно в нашу лодку ударила молния. Должно быть, еще одна бомба. Свет погас, подлодку резко подбросило вверх, и где-то в темноте послышался слабый свист – это улетучивался сжатый воздух.

«Руль заклинило», – доложил рулевой.

«Нам придется взорвать лодку!», – закричал фон Г., вахтенный офицер.

«Так взрывайте», – отозвался Йениш.

Субмарина начала подниматься на поверхность. На ее борту царили суета и легкая паника. Кроме меня на подлодке было еще несколько новичков, один из них – боцман. Он пребывал на грани нервного срыва с того самого момента, как мы вышли из Лорьяна, и нервировал остальных, постоянно твердя о своих ужасных предчувствиях. У этого человека, наверное, было что-то не в порядке с психикой. Инженер-механик Тимм был полной противоположностью боцману, его ледяное спокойствие напоминало айсберг. Он отдавал команды коротко и уверенно и неизменно оказывался там, где нужна была помощь. Его хладнокровие успокаивающе действовало на окружающих.

Как только субмарина всплыла, Йениш поднялся наверх и открыл люк рубки. На палубе он огляделся. Я оставался в рубке и передавал в лодку команды Йениша:

«Торпедные аппараты один и два готовы!»

Матросы стояли бледные, молчаливые и испуганные. Сейчас им предстояло взорвать свою подлодку. Тем временем неприятель продолжал обстреливать нас.

«Свистать всех наверх!» – скомандовал Йениш, и матросы поспешили на палубу, где все столпились словно мокрые куры под дождем, а вокруг нас рвались снаряды...

Я стал свидетелем того, как пошла на дно наша подлодка. Это случилось едва ли не в сотне ярдов от меня, и я отчетливо слышал крики людей, но было уже слишком темно, и я не мог различить их лица. Если бы все случилось часом позже, мы наверняка сумели бы ускользнуть под покровом темноты.

Лучи прожекторов были направлены на то место, где лодка ушла под воду. Один из лучей освещал меня до тех пор, пока я не вскарабкался по канату, спущенному с борта британского эсминца «Харвестер».

– Вы готовы, сэр? – прервал мои размышления вернувшийся британский матрос.

На одной руке у него висело большое банное полотенце, а на другой – штатский костюм, который пришелся мне впору.

После того как я принял ванну и переоделся, я спросил у британского офицера, всех ли подобрали.

– Думаю, да, – сказал он. – Мы подняли на борт тридцать два человека, остальных выловил другой эсминец.

Подшли другие офицеры, одетые в белые парадные кители, и дружески приветствовали меня, Йениша и фон Г., которые, как и я, были облачены в костюмы с чужого плеча. Британцы были очень довольны своим успехом и обращались с нами весьма дружелюбно.

До войны я часто играл в хоккей против британских морских офицеров, а также участвовал в регатах. Когда мы проигрывали, они приглашали нас на обед. Британцам шла роль

победителей: они радовались своей победе, но при этом не забывали о проигравших. В то время, в октябре 1940 года, на войне все еще оставалось место рыцарству и человечности.

Йениш чувствовал себя на борту британского корабля не очень уютно. Он не брился уже пять дней и выглядел довольно неряшливо, но у него была и другая, более веская причина для беспокойства. Именно Йениш незадолго до гибели своей подлодки затопил судно, перевозившее детей, и теперь боялся наказания за это, хотя на самом деле он был не так уж и виноват. Ничто не говорило о том, что на борту этого судна, следующего в США, находилось больше тысячи британских детей. Отдавая приказ о торпедировании судна, Йениш был совершенно уверен, что перед ним самый обычный британский корабль. По всей вероятности, британские власти прекрасно понимали это, потому что никакого наказания для Йениша не последовало.

Нас пригласили в кают-компанию, где уже собрались офицеры «Харвестера». Когда мы вошли, они над чем-то громко смеялись. Оказывается, самым смешным им показалось то, что наша подлодка практически не пострадала от их снарядов, и они вволю поиздевались над «метким» артиллеристом. Когда в кают-компанию вошел командир эсминца, воцарилась тишина. Наверное, от нас ожидали каких-то речей. Но что говорить? Благодарить их за то, что они выбрали нас? Поздравить их с успехом? Йениш предпочел промолчать. Я тоже не нашелся, что сказать. Командир положил конец неловкой паузе, великодушно пригласив нас отобедать с британскими офицерами.

Если ему удалось выжить в этой войне, я бы хотел поблагодарить его, пусть и несколько запоздало, за оказанное им гостеприимство.

Я так подробно описываю первый этап моего плена только оттого, что в течение семи лет плена эти мгновения вновь и вновь всплывали в моей памяти, неопровержимо свидетельствуя о том, что между немецким и британским народами не существовало врожденной неприязни. Война со всеми ее жертвами, разрушениями и кровопролитием была сущей глупостью. Мы, моряки, старались быть гуманными и человечными, насколько это было в наших силах, и не наша вина, что с течением времени все это было забыто.

Обед удался на славу. Британские офицеры обращались с нами так, будто мы были их гостями, лишь один нахальный юнец не в силах был сдержать свое любопытство и засыпал нас вопросами.

– Если он покажется вам чересчур назойливым, дайте ему команду «смирно», – добродушно сказал командир эсминца.

За столом завязалась оживленная беседа. Самым разговорчивым оказался лейтенант Р.Х. Ходжкинсон. Его имя запечатлелось в моей памяти потому, что на мне был его костюм.

Во время обеда у меня было достаточно времени осмотреться. Бросилось в глаза, что офицерская кают-компания здесь была куда более скромной, чем на германском корабле такого же класса. Простота и практичность – вот как я могу описать это помещение. Ни на минуту не возникало сомнения в том, что находишься на военном корабле. Единственное, что здесь напоминало британцам о доме, – камин. Он был, конечно, электрическим, но с имитацией дров и языков пламени, и распространял приятное тепло.

После обеда судовой врач, казначей, старший механик и офицеры придвинули к камину кресла и пригласили меня присоединиться к ним.

– Вы, конечно, не нацист? – спросил врач.

Я ответил ему, что мы все – нацисты. Врач ничего не сказал, но заметно смутился. Действительно ли мы все были нацистами? Позднее в британских лагерях для военнопленных моряков с немецких подлодок часто называли довольно нелестно – «морскими эсэсовцами», что было явной несправедливостью. Мы служили адмиралу Дёницу. Так вышло, что Дёниц служил Гитлеру. Следовательно, и мы все служили Гитлеру. Но если бы в один пре-

красный день Дёниц сказал нам: «Этот Гитлер – преступник. Настало время избавиться от него», мы бы пошли за Дёницем, потому что именно он, а не Гитлер был нашим командиром.

Впрочем, я не собираюсь скрывать, что поначалу мы все восхваляли Гитлера. Огромная волна энтузиазма, прокатившаяся по Германии в те годы, захлестнула и нас. Но ни один немецкий моряк ни на минуту не мог себе представить, что существует серьезная вероятность новой войны с Англией. Прежде всего, как могли мы с несколькими кораблями противостоять могучему Королевскому флоту? И со времен Первой мировой войны мы все время твердили: «Нет, нет, больше никогда». Мы больше не хотели ввязываться в братоубийственную войну, но поневоле оказались в нее втянуты.

Мы знали, что не сможем победить Англию на море, поэтому больше рассчитывали на сухопутное вторжение. Именно оно должно было решить все наши проблемы. Мы все еще верили Гитлеру, да и кто в то время ему не верил? Сами посудите: Гитлер слов на ветер не бросал, стоило ему серьезно взяться за дело – и почти вся Европа была у его ног. После Дюнкерка британская армия тоже была обескровлена, британское ополчение было плохо вооружено, и мы верили, что наша закаленная в боях армия может с легкостью разгромить Британию. Для этого немецким солдатам нужно лишь переправиться через Ла-Манш, и в один прекрасный день все это случится.

Мы, моряки, ничего не знали об исходе Битвы за Англию. Нам рассказали об этом пилоты люфтваффе, с которыми мы встретились в лагерях для военнопленных. Но даже тогда мы все еще верили, что рано или поздно Гитлеру удастся покорить Великобританию. Версальский позор будет забыт, и Европа объединится под властью Германии. Этих иллюзий мы лишились не скоро.

Теперь я был военнопленным, но в тот первый вечер моего плена, сидя у электрического камина на борту «Харвестера», я чувствовал себя довольно уверенно. Наши британские охранники порой жаловались на то, что мы бывали излишне грубы и хвастливы, и я вынужден признать, что это было правдой в отношении некоторых из нас. Виной всему привычка немца во всех ситуациях чувствовать себя победителем. Но прежде, чем строго судить нас, может быть, стоит вспомнить, что наша история не слишком баловала нас истинными победами, где же нам было научиться скромности? Вот и теперь, даже попав в плен, мы не ощущали себя побежденными.

Когда настало время ложиться спать, лейтенант Ходжкинсон пожелал нам спокойной ночи и проследил, чтобы нас удобно устроили. Мы попросили у него разрешения увидеться со своими товарищами, но в ответ услышали вежливый отказ: «Сами понимаете, правила».

Мне отвели удобную койку с надувным матрасом в каюте капитана, но я почти не спал, мне мешали мысли. Где-то внизу ритмично шумели винты эсминца. Корабль шел на восток, и уже на следующий день мы должны были достигнуть берегов Британии.

Когда мы проснулись, в плохо прикрытые иллюминаторы уже просачивался рассвет. Матрос принес нам нашу просушенную одежду, хотя кое-что из предметов одежды пропало, например мое белье. Позже я узнал почему. Еще до того, как мы покинули Лорьян, мне выдали новое обмундирование, и кое-какие доставшиеся мне вещи были из трофейного британского имущества. В те дни все наши подводники щеголяли в британском армейском обмундировании. Экипаж «Харвестера» узнал метки на белье и от имени ее величества ревизировал имущество. По всей видимости, этот инцидент внушил британцам неверное представление о нас. Как бы там ни было, но отношение к нам моментально изменилось. Британцы были все так же вежливы, но дружелюбие их пропало.

Первым, чего я лишился во время своего заключения, была бритва. Я не брился уже почти неделю и зарос, как бродяга. Вообще-то подводники любят отращивать бороду. Это своеобразный знак принадлежности к клану подводников. Иногда по длине бороды можно судить о том, как долго человек служит на флоте. Что касается меня, то нескольких дней

мне хватило, чтобы понять, что бороду мне носить не придется. Вместо приятной на вид темной бородки, какие часто можно видеть у офицеров-подводников в фильмах, у меня на подбородке росло нечто, напоминавшее ржавую проволоку. Пожалуй, впервые в жизни мое отражение в зеркале по-настоящему расстроило меня. Скоро мы должны были сойти на английский берег, и больше всего хотелось мне избавиться от этой рыжей щетины. Но никто не собирался давать мне бритву. «Правила, сами понимаете». Неужели они в самом деле полагали, что мы перережем себе горло? Ни у кого из нас не было по-настоящему красивой бороды, так, одна щетина, и при дневном свете мы, должно быть, выглядели довольно неряшливо.

После завтрака в кают-компанию вошел лейтенант Ходжкинсон. На этот раз он принес коробку, полную часов, колец, портсигаров, записных книжек и других ценных вещей, и каждый из нас мог предъявить права на свою собственность. Чувство морского товарищества не позволило британским морякам лишиться нас нашего имущества. Позднее, впрочем, нам пришлось пережить ряд неприятных моментов. Некоторые из молодых матросов, что охраняли нас, довольно нахально собирали «сувениры». Однако мы тут же сообщали о подобных случаях офицерам, и они делали все, что в их силах, чтобы вернуть нам утраченное имущество.

Удивительно, но мои наручные часы оказались в целости и сохранности и исправно шли. Я уже собирался похвастаться этим, как вдруг заметил под стеклом циферблата каплю воды. Поскольку часы считались водонепроницаемыми и имели герметичный корпус, я не мог извлечь эту каплю. Должно быть, перемена давления в подлодке повредила часы, а может быть, во время последнего ремонта часовщик неплотно закрыл крышку. В любом случае мои прекрасные часы оказались очень даже водопроницаемыми. Постепенно вода проникла в корпус, повредила механизм, и часы встали, и, прежде чем я успел передать их в руки мастера, механизм окончательно заржавел. Рождество 1941 года я встречал в канадском лагере для военнопленных. Геринг устроил так, что содержащиеся в лагерях пилоты люфтваффе получили рождественские подарки. Каким-то образом в этот рождественский список включили и нас, моряков. Нам сказали, что мы можем выбрать себе рождественский подарок на сумму в 25 долларов, и я выбрал наручные часы.

Из суеты, поднявшейся на корабле, мы заключили, что эсминiec готовится войти в гавань. За ночь «Харвестер» обогнул север Ирландии и вошел в Ферт-оф-Клайд. Теперь корабль направлялся на свою базу в Гриноке, в устье реки Клайд.

По картам я хорошо знал этот район. Много времени мы провели в штаб-квартире нашего командования в Париже, изучая карты устья реки Клайд и спрашивая себя, возможно ли повторить то, что сделал Гюнтер Прин в заливе Скапа-Флоу. Немецкие подлодки дважды предпринимали попытку войти в устье реки Клайд и торпедировать стоявшие там на якоре корабли. Первая немецкая субмарина достигла внешних укреплений и повернула назад, доложив командованию, что проникнуть в устье незамеченным практически невозможно.

Но адмирал Дёниц любил повторять, что в его лексиконе нет слова «невозможно», поэтому несчастного командира подводной лодки с позором уволили с его поста и это ответственное задание поручили другому. 12 февраля капитан-лейтенант фон Дрески привел свою подводную лодку «U-33» к тем же самым укреплениям и вскоре обнаружил то же самое, что и его коллега: невозможно незамеченным преодолеть укрепления в устье реки Клайд. Но фон Дрески решил пренебречь словом «невозможно» и посмотреть, что из этого получится. Он поднял лодку на поверхность, скомандовал «Полный вперед» и пошел на таран укреплений. Ему удалось проникнуть в устье реки, но его, разумеется, заметили. Несколько эсминцев и противолодочных кораблей тут же сели ему на хвост. Скорость их была куда выше, чем у подлодки фон Дрески, и он решил искать спасение на глубине, но это было бесполезно. Бри-

танцы пустили в ход глубинные бомбы, и вскоре все было кончено. Не многим из экипажа фон Дрески удалось спастись. Одним из таких счастливиц был инженер-механик Шиллинг. Его командир, фон Дрески, погиб, ценой своей жизни доказав адмиралу Дёницу, что проникнуть за укрепления в устье реки Клайд незамеченным действительно невозможно.

И вот я сам должен был проникнуть за эти укрепления, но – ирония судьбы! – на британском корабле.

Эсминец неспешно приближался к гавани, когда лейтенант Ходжкинсон спустился к нам, чтобы попрощаться.

– Я хочу пожелать вам всего наилучшего, – сказал он. – Мы передадим вас британским властям, и вас направят в один из лагерей для военнопленных. Но не вешайте нос! Когда-нибудь все это кончится.

Он пожал руку каждому из нас.

– Сами понимаете, потом у меня уже не будет такой возможности.

Мы понимали. Снова «правила». Шум винтов начал стихать, и мы услышали отрывистые команды и топот ног. Затем неожиданно наступила полная тишина. «Харвестер» встал у причала. Чуть позже мы услышали, как рядом швартуется второй эсминец, «Хайлендер», на котором были остальные члены экипажа нашей субмарины. И вот, наконец, нас вывели на палубу.

Это был самый обычный причал, похожий на все те, что я видел раньше. Чуть поодаль стояли самые обычные склады. Однако возле причала толпились британские солдаты – должно быть, это были члены комитета по организации торжественной встречи. наших товарищей вывели на палубу. Они выглядели весьма странно с шестидневной щетиной на лицах, кто-то был в обмундировании, другие в одежде с чужого плеча и каких-то вязаных фуфайках, но все они засияли, стоило им увидеть своего Старика. Йениш попробовал пересчитать их. Пока нельзя было с точностью сказать, кого можно было считать пропавшим, потому что несколько наших товарищей находились на другом эсминце. Они присоединились к нам, как только мы сошли на причал. Теперь не было никаких сомнений: мы недоисчислялись семерых, включая второго помощника Дамма. Йениш обеспокоенно повернулся к Тимму и задал ему какой-то вопрос.

– А ну, тихо там! – проорал один из наших стражей.

И если мы не замечали этого до сих пор, теперь самое время было очнуться – мы были военнопленными. Мы больше не были хозяевами своей судьбы. Мы должны были подчиняться чужим приказам. Любая попытка оказать сопротивление или просто выразить протест была напрасной и бессмысленной.

Говорят, что японские самураи слишком горды, чтобы позволить кому-либо пленить себя. Они предпочитают сделать себе харакири, но не подвергаться унижениям. Что касается меня, то, когда я качался на волнах Атлантического океана, я думал не о своей гордости, а только лишь о спасении своей жизни и потому был очень рад, когда меня выудили из воды моряки с британского эсминца. Конечно, за семь лет моего плена мне пришлось испытать немало унижений. Когда они выпадали на мою долю, я лишь крепче сжимал зубы. Плен, каким бы он ни был, не проходит для человека бесследно. Лишь спустя годы после моего освобождения я вновь обрел уверенность в себе.

Забавно, но тогда исполнилось одно из моих желаний. Я много лет стремился попасть в Англию, но мне все никак не представлялось удобного случая. Ну вот, теперь он представился. На самом деле мы, конечно, были в Шотландии, но я решил не привередничать.

Нас построили парами, словно новобранцев, и мы выступили в поход. Когда мы проходили мимо «Харвестера», моряки бросали нам с палубы пачки сигарет. Это был последний привет от Королевского военно-морского флота, и мы были искренне признательны этим морякам.

Три года спустя немецкая субмарина потопила «Харвестер». Я от всей души надеюсь, что список погибших был не слишком длинным.

Глава 2 НЕУДАЧА

31 октября 1940 года я ступил на шотландскую землю в качестве военнопленного. К этому времени я проплавал уже десять с половиной лет, но ни разу за все это время мне не доводилось сидеть в тюрьме. Что ж, теперь у меня появилась возможность наверстать упущенное. Моей первой тюрьмой стали казармы для пехоты в Глазго. Дверь камеры захлопнулась, и мною овладело гнетущее чувство. Впрочем, я немного приободрился, когда через некоторое время дружелюбный охранник принес мне вкусный обед.

После обеда я сидел на жесткой койке и прислушивался к звукам, доносящимся с улицы. Прильнув к зарешеченному окну, я мог видеть все, что происходило снаружи, а именно самый обычный плац и взвод новобранцев, которых учили маршировать. Этот процесс казался бесконечным. Через некоторое время прибыл оркестр, и солдаты принялись маршировать под музыку. Оркестру никак не удавалось доиграть мелодию до конца, потому что сержант, занимавшийся строевой подготовкой солдат, прерывал музыку всякий раз, когда был недоволен новобранцами, а такое случалось часто.

В другом углу плаца солдаты отрабатывали приемы штыкового боя. На шесты были насажены чучела – наверное, они должны были олицетворять немецких солдат, – и новобранцы с энтузиазмом набрасывались на эти чучела, стараясь проткнуть их штыком.

На закате охранник принес мне большую кружку чаю и несколько толстых ломтей хлеба с джемом – это был мой ужин. Еще он принес мне два теплых одеяла, чему я очень обрадовался. Как я уже говорил, это был последний день октября, и в камере было довольно прохладно. Закончив ужин, я завернулся в одеяла и тут же уснул.

К сожалению, спал я недолго. Меня разбудил звук открывающейся двери, яркий свет и чей-то резкий голос. Он принадлежал офицеру, который явно был чем-то недоволен. Как оказалось, согласно «правилам» мне полагалось лишь одно одеяло. Мною овладело сильное искушение высказать офицеру все, что я думаю по этому поводу, но, к счастью, я сдержался и молча отдал одеяло.

После этого я долго ворочался, пытаюсь уснуть. Одного одеяла было явно недостаточно, чтобы согреться, ведь на дворе была уже практически зима, и время от времени мне приходилось вставать и делать зарядку, чтобы не замерзнуть. На следующее утро я постарался привести себя в порядок, насколько это было возможно, но щетина попрежнему колосилась на моем лице. Мне так и не дали бритвенных принадлежностей. Может быть, они хотели сделать из нас пугал для своих детей? Впрочем, мы скоро должны были покинуть это место. Охранник сказал, что мы здесь всего на одну ночь. Он оказался прав. Нас вывели во двор и посадили в грузовик. Новобранцы все еще занимались строевой подготовкой, а оркестр по-прежнему играл все ту же мелодию. Наверное, это был их полковой марш.

Мы медленно проехали через центр города. Многие дома здесь были разрушены в результате «действий противника». Больше никаких следов войны заметно не было. Впрочем, мы мало смотрели по сторонам, стараясь улучшить возможность и перемолвиться друг с другом хотя бы парой слов.

Тимм рассказал нам, что провел в океане несколько часов, прежде чем его выловили из воды. Семерых пропавших моряков, должно быть, отнесло слишком далеко от эсминцев. Один был ранен осколком снаряда еще на палубе «U-32». Мы с болью думали о них, ожидавших помощи, которая так и не пришла. Существовала, конечно, вероятность того, что на следующий день их подобрало какое-нибудь судно, но никто из нас в это не верил, и мы больше никогда не слышали о наших пропавших товарищах.

Тем временем грузовик привез нас на вокзал, и мы, в сопровождении двух офицеров и десятка солдат, сели в поезд. Должно быть, мы являли собой странное зрелище, и люди сначала в изумлении смотрели на нас, а потом поспешно отворачивались, словно стыдясь своего любопытства. Никто не бросил нам враждебного слова, никто даже не смотрел с ненавистью в нашу сторону. Напротив, в глазах некоторых женщин читалось сочувствие.

Для офицеров приготовили специальный вагон. В нашей группе было четыре офицера, включая меня, и нас держали отдельно от прочих. Мне предоставили отдельное купе, которое я разделил с двумя британскими офицерами. Один из них, лейтенант, до войны был учителем и обо всем имел свое суждение. Вскоре британцы совсем позабыли обо мне и горячо заговорили о чем-то. Я не понимал, о чем они говорили, поскольку мой английский оставлял желать лучшего, поэтому я решил выйти из купе и осмотреться. Но стоило мне подняться, как капитан тут же вскочил на ноги. Я заявил, что мне нужно в туалет, но он настоял на том, чтобы сопровождать меня.

Остаток пути я просидел у окна, глядя на проносившиеся мимо леса и поля. Сейчас я едва помню их, в тот момент мой ум был занят мыслями о побеге. «Больше тебе может не представиться такая возможность, – думал я. – Чем дальше на юг ты заедешь, тем лучше». К счастью, мы как раз направлялись на юг. В отношении побегов у нас в семье сложилась определенная традиция. Мой дядя, Гюнтер Плюшов – брат моей матери, – во время Первой мировой войны был в плену в Англии. Ему удалось бежать и вернуться в Германию через Голландию.

Когда я был мальчишкой, я прочел его книгу «Побег из Киао-Чао» по меньшей мере дюжину раз и в теории прекрасно знал, как совершаются побеги. Теперь мне предстояло проделать это на практике.

Сначала я пытался определить направление нашего движения по названиям станций, которые мы проезжали. Первая станция называлась Боврил.¹ Никогда не слышал этого названия. Но когда и следующее название станции оказалось Боврил, и следующее, а потом еще одно, я пришел к выводу, что Боврил – это вовсе не название станции. Позже я узнал, почему сняли все таблички с названиями станций, – британцы готовились к вторжению немецкой армии. Теперь, когда я вижу рекламу «Боврила», я всегда улыбаюсь, вспоминая мое первое путешествие по британской земле.

Не могу сказать, сколько было времени, когда мы пересекли границу, но с наступлением ночи мы уже были в Англии, и наш поезд все так же стремительно мчался на юг. Через некоторое время поезд медленно подъехал к какому-то большому городу и остановился. Это был Лондон. Капитан куда-то исчез. Я выглянул в окно и увидел, как он разговаривает с кем-то. Лейтенант встал и вышел, я остался один в темном купе.

Вот он, мой шанс. Я вышел из купе, огляделся и направился к двери вагона, но не успел я нажать на ручку, как дверь распахнулась и передо мной возникла темная фигура с фонарем. Это был охранник.

– Приехали, сэр, – сказал он мне. – Здесь вы выходите.

– Это точно, – сказал я, надеясь, что мой английский достаточно хорош. В конце концов, если один из хозяев пригласил меня выйти, было бы невежливо проигнорировать его приглашение. Но как только я с готовностью двинулся в сторону выхода, охранник насторожился и направил на меня луч своего фонаря. Я совсем не выглядел как пленный немец и, наверное, при других обстоятельствах мог бы сойти даже за англичанина, но, к несчастью, мое лицо украшала недельная щетина.

– Минутку, – пробормотал охранник. Наконец до него дошло, и он кинулся к окну, громко зовя охрану.

¹ Боврил – фирменное название мясного экстракта для бульона.

Я мог броситься наутек и, наверное, сумел бы скрыться в темноте, но мысль о моей предательской рыжей щетине совсем лишила меня сил. Куда я пойду в такой поздний час в чужой стране без гроша за душой? Да еще эта проклятая щетина! Да у меня на лице написано, что я военнопленный. Поэтому я ничего не предпринял.

Интересно, знай я, что впереди меня ждет семилетний плен, попытался бы я бежать? Но что толку рассуждать об упущенных возможностях... Мне выпал шанс, а я его не использовал. Разумеется, я все еще верил в победу Германии. Я думал, что самое позднее через три месяца немецкие войска ступят на британскую землю и их наступление, несомненно, будет успешным.

Эта вера в могущество Германии на какое-то время заставила меня отказаться от совершения побегов, а к тому моменту, когда я избавился от этой иллюзии, было уже поздно что-либо предпринимать. Я находил некоторое утешение в том, что даже самым целеустремленным беглецам, положившим все свои силы на осуществление своих дерзких планов, в конечном итоге везло не больше, чем мне. Впрочем, нет правил без исключений, и вот вам пример. Германский офицер Франц фон Верра сумел бежать и вернулся в Германию, но об этом позже.

Сойдя с поезда, мы пересели в омнибус. Темные улицы Лондона выглядели мрачными и пугающими. Спустя некоторое время мы выехали из города и вскоре остановились у старинного английского особняка, который власти отвели под лагерь для военнопленных. Здесь нас зарегистрировали, подвергли медицинскому обследованию и выдали одеяла, полотенца, мыло, столовые приборы и... бритвенные принадлежности!

После этого нас разделили. Меня отвели на третий этаж и заперли в чистой, но скудно обставленной комнате. Здесь был стол, три кресла и три койки, одна из которых была застелена белоснежными простынями.

На четыре недели эта комната стала моим домом. Если я хотел куда-то выйти, я должен был постучать, а иногда и побарабанить в дверь. На мой стук приходил охранник... или не приходил. Если он все-таки являлся, я сообщал ему, что я хочу. Если мне нужно было в туалет, он сопровождал меня туда, если мне требовалось что-то другое, он неизменно отказывал. В доме постоянно слышался стук в двери, из чего я сделал вывод, что в доме много подобных мне «гостей», но за те четыре недели, что я провел здесь, я ни разу не видел ни одного из них, за исключением двоих, которых позже подселили в мою комнату. По всей видимости, в этом доме заключенным запрещалось общаться друг с другом, и за соблюдением этого правила строго следили. Конечно, присутствие такого количества людей в доме создавало определенные трудности – порой мне приходилось ждать до получаса, пока кто-нибудь откликнется на мой стук.

В первый же вечер я отправился в ванную и, наконец, избавился от ненавистной рыжей щетины. Теперь я снова выглядел прилично. Мне также выдали зубную щетку, и я смог почистить зубы. Вернувшись в отведенную мне комнату, я снова почувствовал себя человеком. На меня снизошел покой, и я безмятежно заснул.

Глава 3

ЛАГЕРЬ КОКФОСТЕРС

На следующее утро я выглянул в окно. Передо мной простирался красивый парк с небольшим озерцом и великолепным старым дубом. Стоял ноябрь, но на дереве все еще красовалась золотая листва. Месяц спустя, когда я покидал этот лагерь, листья с дуба уже облетели и паутина его ветвей ясно вырисовывалась на фоне серого декабрьского неба. Я часто сидел у окна, любовался этим дубом и вспоминал картину немецкого художника Каспара Давида Фридриха, на которой изображено очень похожее дерево.

В первый же день пребывания в лагере для военнопленных Кокфостерс мне велели заполнить стандартную карточку Красного Креста. Ее должны были отправить ближайшему родственнику – моей жене – в подтверждение того, что я жив и здоров. Меня заверили, что не пройдет и нескольких дней, как карточка окажется в Германии, однако минуло целых четыре недели, прежде чем моя жена получила ее. Я так и не узнал, почему это заняло так много времени. Сначала я подумал, что британцы не стали отсылать наши карточки, чтобы скрыть случившееся с субмариной «U-32», но потом я узнал, что в британских новостях прошло сообщение о гибели нашей подлодки и о пленении опытного немецкого подводника.

Разумеется, отсутствие регулярных рапортов вскоре навело наше командование на мысль, что с нашей субмариной что-то случилось, а когда подлодка перестала отвечать на радиogramмы, на бульваре Суше, где располагалась штаб-квартира нашего командования, пришли к выводу, что субмарина «U-32» погибла. Когда это предположение подтвердилось, нашим ближайшим родственникам было направлено обычное извещение о том, что мы пропали без вести.

Между прочим, в новостях Би-би-си всегда сообщались имена уцелевших немецких солдат и офицеров. Без сомнения, это делалось для того, чтобы заставить немцев настраиваться на волну Би-би-си, хотя в Германии за это полагалось суровое наказание. Но многие немцы все равно слушали британские новости, чтобы узнать о судьбе своих родственников, служивших на флоте.

В то время моя жена ожидала нашего первенца и жила со своими родителями. Когда из адмиралтейства пришло извещение о том, что я пропал без вести, тестю удалось спрятать его от моей жены, и я рад, что он сделал это, – женщине, которая вот-вот должна родить своего первого ребенка, не годится слышать о возможной гибели его отца. В течение четырех недель мой тесть хранил молчание, надеясь, что я вот-вот подам весточку. Обман дался ему тем легче, что в своем последнем письме, которое я отправил жене перед тем, как мы вышли из Лорьяна, я призывал ее не беспокоиться, если она не получит от меня известий в течение нескольких недель, так как наш поход мог затянуться на неопределенное время.

Мой сын родился 2 декабря под аккомпанемент британских бомбардировок. С гордостью продемонстрировав младенца своим родителям, моя жена весело заметила, что теперь самое время объявиться и отцу ребенка. В этот самый день пришла карточка Красного Креста, и моя жена сделала то, что в этой ситуации делали миллионы других женщин, – она от всей души возблагодарила Бога. Теперь она знала, что я жив и здоров и в один прекрасный день снова вернусь домой. Не многие женщины в те дни могли похвастаться подобной уверенностью. Моя жена прокляла тот день, когда меня перевели в подводный флот. Позже она призналась мне, что каждую ночь молила Бога о том, чтобы меня взяли в плен во время первого же похода. Когда я спросил жену, стала ли бы она просить Бога о том же, зная, что меня ждет семилетний плен, она, не колеблясь, ответила утвердительно.

В военную пору на долю моей жены выпали тяжкие лишения. Она пережила бомбардировки Берлина, а когда дом ее был разрушен, она эвакуировалась в Восточную Германию. Когда зимой 1945 года туда вошли русские войска, жена моя вынуждена была бежать. В течение шести недель она скиталась по обледеневшим дорогам с четырехлетним мальчиком на руках и остатками наших пожитков, уместившихся в детской коляске. Наконец, она благополучно добралась до Мекленбурга, где ее приютили друзья. Но тревоги ее на этом не закончились. Британские войска приближались к Мекленбургу с востока, а русские – с запада. Кто первым вступит в город? Жители города часами с тревогой вслушивались в сообщения по радио. В конце концов, прошел слух, что Мекленбург полностью оккупируют британцы, поэтому большинство жителей города, в том числе и моя жена, решили остаться. А в одно прекрасное утро в город вошли русские.

Вряд ли вы можете себе представить, что это означало.

Моя жена скрылась из города вместе со своей матерью и маленьким сыном, и в течение нескольких недель они прятались в лесу, пока в городе не утихли первые беспорядки. Молодая голландка, работавшая на заводе Хейнкеля, пыталась уверить мою жену, что русские совсем не так страшны, как все думают, и что рассказы об их зверствах всего лишь пропаганда. В тот самый день, когда русские вошли в город, голландка была изнасилована целой группой русских солдат, и на следующий день она сделала то, что до нее сделали многие немецкие женщины, – покончила с собой.

Моей жене довелось увидеть и пережить много ужасных событий. Это она, а не я, должна была бы написать книгу, и книга эта была бы поистине печальной. Конечно, я не знал о страданиях, выпавших на долю моей жены, но я предполагал, что она терпит лишения, и мучился от того, что ничем не мог помочь ей.

На третий день моего пребывания в лагере Кокфостерс дверь комнаты неожиданно открылась и вошел не кто иной, как мой старый приятель лейтенант Ганс Энгель. Всего лишь десять дней назад – теперь это казалось мне вечностью – мы попрощались в Лорьяне. Мы познакомились на курсах командиров подводных лодок, а потом вместе принимали участие в подводных маневрах в Мемеле. Энгеля направили на субмарину «U-31» (командир – капитан-лейтенант Прельбург) в качестве стажера, а меня – к Йенишу на субмарину «U-32». Они вышли из Лорьяна за два дня до нас, а 2 ноября субмарина «U-31» была потоплена британским эсминцем «Энтилоуп» в тех же водах, что и наша подлодка, и большая часть экипажа была спасена. Это была поистине нежданная встреча.

Разумеется, нам было о чем поговорить, но мы подозревали, что комната прослушивается, поэтому, говоря о чем-то важном, переходили на шепот. Должен заметить, что, несмотря на самые тщательные поиски, нам не удалось найти и следа микрофонов, так что, возможно, мы чересчур осторожничали.

Ганс Энгель был моим ровесником, и мы быстро сдружились в основном благодаря тому, что у нас было много общего: мы оба были моряками, и наши отцы также были морскими офицерами. Кроме того, мы оба интересовались музыкой и искусством. Мы были так похожи, что нас часто путали, – оба высокого роста, худощавые, с темными волосами и голубыми глазами.

В лагере Кокфостерс нас кормили трижды в день. Еда была самая обычная, хотя некоторые блюда показались нам странными. Например, нам часто давали картошку в мундире. Ножи нам не выдали (должно быть, это считалось холодным оружием), так что в конце концов приходилось есть картошку вместе с кожурой. Почти каждый день нам давали мясо. На завтрак мы пили кофе, ели хлеб с маслом, а вечером нам подавали чай и снова бутерброд с маслом. В общем, пища была простая, но жаловаться было не на что, а когда в один прекрасный день к нам в комнату зашел британский офицер и сообщил, что ежедневно каждому из нас будет выдаваться по два шиллинга, чтобы мы могли тратить их в столовой на что

пожелаем, все наши проблемы были решены. Первым делом мы заказали себе шоколад и бананы и незамедлительно получили требуемое.

Следующее, о чем нам стоило подумать, была наша одежда. Мы заказали себе рубашки и пижамы. На это ушло денежное пособие за несколько недель. Кроме того, мне выдали пару британских армейских ботинок и синий пиджак.

Будучи офицерами, мы в течение всей войны продолжали получать свое армейское жалованье, хотя пересчет его сначала в британские фунты стерлингов, а позже в канадские доллары ощутимо сокращал получаемую на руки сумму по причине искусственно завышенного обменного курса. К сожалению, военнопленным, не являющимся офицерами, не так повезло, как нам. Они стали получать жалованье гораздо позже и первое время сидели без денег. Конечно, им не приходилось, как офицерам, покупать себе одежду, кроме того, они получали бесплатные сигареты и табак через Красный Крест и Христианскую ассоциацию молодых людей, но всего остального они были лишены.

Эта несправедливость чрезвычайно возмущала меня, и я очень расстроился, когда остальные офицеры отвергли мое предложение разделить наше жалованье с теми, кто его не получал. В конце концов, они ведь сражались плечом к плечу с нами. В большинстве своем против выступили офицеры люфтваффе. Среди них почти не было людей, не имеющих офицерских званий, в то время как мы, офицеры-подводники, должны были заботиться о матросах из экипажей наших субмарин. Время от времени мы передавали им фрукты и шоколад, к сожалению, это все, что мы могли для них сделать. Позже ситуация коренным образом изменилась. Они имели право найти себе работу и зарабатывать деньги и, таким образом, оказались более обеспеченными, чем мы. В отличие от рядового состава нам, офицерам, работать запрещалось.

В Кокфостерсе Энгель купил себе трубку, и, поскольку недостатка в табаке мы не испытывали, он вынимал ее изо рта, только когда ложился спать. Я не курил, но не могу сказать, чтобы табачный дым сильно досаждал мне. С трубкой Энгеля и книгами, которые мы вскоре начали получать, в нашей комнате воцарилась мирная домашняя атмосфера.

Книги, как и следовало ожидать, были самого разного рода. Сначала мы вынуждены были брать все, что нам выдавали, затем я наладил дружеские отношения с одним из охранников, и у меня появилась возможность выбора, который, впрочем, был не слишком велик. Между прочим, я был весьма удивлен, обнаружив среди книг военные мемуары генерала Людендорфа.

В подобных обстоятельствах я читал все, что попадалось мне на глаза: книги немецких авторов и книги, переведенные на немецкий язык (например, некоторые произведения Джека Лондона). Позднее благодаря помощи Красного Креста, Христианской ассоциации молодых людей, а также нашим собственным семьям мы стали получать заказанные нами книги, и в конце концов у нас образовалась довольно неплохая библиотека. Чтение мое стало более систематичным. Я купил тетрадь, в которой вел учет всех прочитанных мною книг, а также заносил туда свои критические заметки. Эти записи я вел на протяжении всех семи лет моего заключения, и в конце его в моем списке было 503 книги.

Я вспоминаю, что в бытность мою младшим лейтенантом на борту линкора «Шлейзен» в 1935 году я частенько жалел, что у меня было мало времени для чтения. Что ж, теперь в моем распоряжении было все время мира. Хьюстон Стюарт Чемберлен («Основы девятнадцатого века»), Шпенглер («Закат Европы») и Альфред Розенберг («Миф двадцатого столетия») – я прочел их всех. Я взялся также и за Канта, но, к сожалению, так и не одолел его. Затем были Шекспир и Гёте. Должен сказать, что возможность читать и учиться – вот единственная польза, которую принесли мне долгие годы плена.

Не могу сказать, что в Кокфостерсе время для нас тянулось мучительно медленно. Каждый день нас выводили на свежий воздух и в течение часа мы делали зарядку. Вместо парка

мы гуляли в «загонах» размером пятьдесят на тридцать футов, огороженных колючей проволокой. Мы не видели пленных из других «загонов», да, впрочем, мы и не испытывали большого желания общаться с ними. Мы были слишком недоверчивы, нам казалось, что лагерь просто кишит шпионами, которые только и ждут, чтобы вкрасься к нам в доверие.

Однажды в нашу комнату привели третьего пленного, молодого летчика. Поначалу мы держались настороженно и почти не разговаривали с ним. Точно так же вел себя и он. Позднее он признался нам, что принял нас за шпионов, чьей задачей было вызвать его на открытый разговор. Нетрудно себе представить, что при таких обстоятельствах наши беседы трудно было назвать оживленными, и если где-то в нашей комнате действительно были спрятаны микрофоны, то те парни, чьей работой было прослушивать наши разговоры, должно быть, смертельно скучали.

В один прекрасный день меня вызвали на допрос. Это не имело ничего общего с допросами, которые проводили союзники Британии – русские и о которых мы были наслышаны от тех, кому посчастливилось вернуться домой живыми. Дружелюбный джентльмен, по виду морской офицер, повел меня в парк, где мы целый час беседовали, прогуливаясь по аллеям. Из его вопросов было ясно, что он прекрасно информирован обо мне и моих товарищах. Он хотел знать, получил ли Кречмер (мой старый приятель) субмарину и что поделявает Беренс (другой мой товарищ). В ходе нашей беседы этот достойный джентльмен так и не получил желаемой информации, но его это, казалось, ничуть не расстроило. Мы пожали друг другу руки и на этой приятной ноте расстались. Больше я его никогда не видел. Это был единственный допрос – если, конечно, можно его так назвать – за все время моего пребывания в Кокфостерсе.

Я слышал, что некоторых из пленных офицеров британцы приглашали выпить и сыграть в бридж. Уж не знаю, то ли британцы считали этих немецких офицеров особенно приятными собеседниками, то ли надеялись узнать от них что-то, но в любом случае ни с Энгелем, ни со мной такого не случилось.

1 декабря нам велели купить себе по картонной коробке, что мы и сделали. На следующий день мы сложили в эти коробки все наши пожитки и вышли на плац, где нас уже ждал армейский грузовик. В кузове кроме нас с Гансом сидели еще десять незнакомых нам офицеров. После двухчасового путешествия мы подъехали к полуразрушенному дому вблизи Гайд-парка. Нас уложили спать на дощатых нарах на верхнем этаже. В окна светила яркая луна, и я помню, как, кутаясь в одеяло, подумал, что это очень подходящая ночь для воздушного налета. Я оказался прав! Сначала завывали сирены. Когда они умолкли, наступила абсолютная тишина. Затем в отдалении мы услышали слабый гул моторов бомбардировщиков. Через некоторое время они уже были над нашей головой и принялись сбрасывать зажигательные бомбы. Мы все время ожидали, что на нас вот-вот посыплются настоящие бомбы, но этого, к счастью, не случилось, и вскоре снова воцарилась тишина.

Вот вам, пожалуйста, ирония судьбы: наши же товарищи из люфтваффе сбрасывали на нас свои бомбы. Может быть, в этом и была какая-то высшая справедливость, но никто из нас не испытывал большого желания погибнуть от немецких бомб.

Утром британский офицер привел нас с Гансом в соседнюю комнату, вручил нам ведро с водой и щетку и велел заняться уборкой. Мы тут же поставили его в известность, что пусть мы и выглядим как пугала в своих потрепанных брюках и синих пиджаках, но мы – офицеры и нас нельзя заставлять заниматься уборкой. Наше заявление было принято к сведению.

Нет, мы вовсе не чурались грязной или тяжелой работы и в лагере Кокфостерс всегда сами убирали свою комнату. Нашу службу на флоте мы начали рядовыми матросами, и в этом качестве нам приходилось чистить палубу, драить медяшку и таскать уголь. К тому времени как наша муштра закончилась, на военном корабле не было такой работы, какую

бы мы не умели делать. Вдобавок ко всему мы сами стирали и чинили свою одежду. Эта подготовка сослужила нам в плену хорошую службу.

В доме у Гайд-парка мы провели всего одну ночь, на следующее же утро нас снова посадили в грузовик и отвезли на вокзал, где мы сели в поезд, следующий на север. Единственным знакомым мне человеком из группы пленных, сидевших в грузовике, был лейтенант фон Г., худощавый молодой человек, с которым мы вместе служили на подлодке «U-32». Он происходил из аристократической южнонемецкой семьи и получил образование в школе, в которой учился также и герцог Эдинбургский.

Йениша с нами не было, прошел год, прежде чем мы снова увидели его. После долгих допросов его отправили в Канаду.

На этот раз наше путешествие было недолгим и закончилось возле Дерби. У вокзала нас ждал автобус, и мы отправились в наш первый настоящий лагерь для военнопленных в Суонвике.

Глава 4

СЕКРЕТНАЯ ПЕРЕПИСКА

В лагерь номер 13 в Суонвике для военнопленных немецких офицеров первые его обитатели были переведены из переполненного лагеря Гриздейл-Холл. Когда мы прибыли в лагерь, там уже находилось около восьмидесяти пленных, большинство из которых составляли летчики, чьи самолеты были сбиты над Англией. Впрочем, слово «лагерь» тут не совсем уместно. Здесь не было бараков, старый деревенский дом был занят в основном британским персоналом, а пленные жили в большой пристройке, представлявшей собой двухэтажное здание с множеством комнат, напоминавших корабельные каюты. В каждой из просторных комнат стояла койка, маленький стол и один стул. Угловые комнаты на каждом этаже были рассчитаны на двух человек.

До войны этот дом служил общежитием для студентов со всех концов Британской империи. Для военнопленных это было идеальное место – у каждого здесь была своя комната, где можно было уединиться. Каждый вечер мы собирались в холле на первом этаже для обычной переключки, после которой пели, играли в карты или слушали рассказы вновь прибывших.

Для нас это было, пожалуй, самым интересным занятием, все мы страстно желали получить последние новости из дому и услышать, как сражаются наши войска. Мы с Энгле-лем пробыли в Англии уже месяц, и наши новости успели изрядно заплесневеть, кроме того, мы были моряками, а значит, то, что мы могли рассказать, вряд ли было интересно остальным.

Надо сказать, что у военнопленных существовала своя система самоуправления. Негласным лидером в нашем лагере был майор Фанельса, командир эскадрильи истребителей люфтваффе. Приехав в Суонвик, мы доложили ему о своем прибытии точно так же, как доложили бы старшему офицеру в действующих войсках. Во время обеда, на котором присутствовали все пленные, майор Фанельса представил нас остальным товарищам.

На протяжении всего периода нашего заключения вся наша лагерная жизнь была строго регламентирована. Это да еще соблюдение военной субординации помогало поддерживать дисциплину среди пленных. Быть может, именно благодаря дисциплине мы выдержали всю тяжесть плена и избежали серьезных происшествий и психологических проблем. За последний год своего плена я видел немало примеров обратного, поскольку разгром немецкой армии не мог не сказаться на моральном духе военнопленных. Подобные примеры лишь побуждали нас, «ветеранов», поддерживать порядок в своих рядах. Пусть не все понимали нас, но это действительно помогало нам сохранять самоуважение.

За двойной линией колючей проволоки, что окружала наш лагерь, кроме уже упомянутых мною двух строений, стояла маленькая часовня и небольшое здание, напоминавшее барак. Сначала оно пустовало, но затем комендант лагеря разрешил нам поставить там пианино и разместить спортивный инвентарь. Погода стояла хорошая, и мы много времени проводили на свежем воздухе. За колючей проволокой находилось футбольное поле, куда нас выводили под конвоем два или три раза в неделю и разрешали в течение часа играть в футбол. Спортом мы занимались с неослабевающим энтузиазмом, понимая, что поддержание хорошего физического состояния очень важно для нас.

Что касается наших интеллектуальных занятий, то их организация оставляла желать лучшего. В лагере была так называемая библиотека, но большую ее часть составляли книги, которые с полным правом можно было назвать макулатурой, а также устаревшие школьные учебники. В посещении такой библиотеки не было никакого смысла. Вскоре нам разрешили

покупать газеты. Чтобы помочь тем, кто не знал английского языка, нам с Энгелем поручили ежедневно просматривать новости и составлять что-то вроде сводки, которую мы зачитывали после ужина. Это были мои первые шаги в журналистике, которой я занялся по возвращении в Германию.

Мы с Энгелем поселились в одной комнате. Сюда к нам приходили пять или шесть товарищей, с которыми мы особенно сблизились за последнее время, и мы проводили вместе немало приятных часов. Одним из наших любимых развлечений была игра, по правилам которой нужно было за определенный промежуток времени вспомнить и записать как можно больше имен знаменитых людей или названий городов, начинающихся с определенной буквы. В каждой из областей были свои эксперты. Например, Кюнстлер из люфтваффе знал имена таких военачальников, о которых мы и слухом не слыхивали. Капитан Фёзе отлично разбирался в музыкантах и художниках. Мы с Гансом Энгелем, как люди, повидавшие мир, хорошо ориентировались в географических названиях.

Однако недостаточно было просто назвать имя какого-нибудь знаменитого человека. Нужно было знать об этом человеке достаточно, чтобы обосновать свой выбор и убедить в своей правоте остальных. Однажды наш товарищ Лонисер выдал нам имя Ноет фон Марен. Боюсь, никто из нас не был настолько сведущ в средневековой истории нашей страны, чтобы знать имя маркграфа Моравского и Бранденбургского, и у нас завязалась дискуссия. Лонисера попросили обосновать свое мнение, но он не смог сделать этого. С тех пор Лонисера стали звать Йостом.

Часто по вечерам мы слышали над головой гул немецких бомбардировщиков, которые устремлялись на бомбежку промышленных районов, и этот звук напоминал нам о войне. Мы мысленно молились за наших летчиков, и в нас крепла уверенность, что совсем скоро немецкая армия перейдет в наступление, оккупирует Британию и мы отправимся домой.

По утрам мы обычно занимались уборкой наших комнат, гуляли, читали газеты или беседовали друг с другом. Главными темами наших разговоров были война и политика. Нас особенно волновал вопрос, каким образом будет осуществляться управление Англией после того, как ее оккупирует Германия. Нам не очень нравилась мысль о том, что эта ответственная миссия может быть поручена гаулейтеру. Нам уже доводилось видеть эту систему в действии во Франции, Бельгии и Голландии, и результат оставлял желать лучшего.

– Самое разумное, если они предоставят все нам, – говорил майор Фанельса. Под «нами» он имел в виду армию в целом и в особенности военнопленных, и в его словах был смысл: за время нашего вынужденного пребывания в Англии мы успели немало узнать о складе ума англичанина.

Фанельса был довольно молод. 28 августа в качестве командира эскадрильи он принял участие в ночном воздушном налете на Ковентри. Вскоре после взлета с аэродрома в Амьене один из моторов его самолета отказал, но Фанельса сумел дотянуть до Ковентри, где сбросил все бомбы. Он повернул назад, надеясь благополучно довести свой «хейнкель» до аэродрома, но на одном моторе не смог удержать в воздухе тяжелый самолет. «Хейнкель» начал стремительно терять высоту. Фанельса отказался от мысли посадить самолет и принял решение прыгать с парашютом. Очутившись на земле, члены экипажа направились к ближайшей ферме, забарабанили в дверь, разбудили фермера, который не выказал особого удивления при столь неожиданном появлении немецких летчиков, и велели ему вызвать полицию. Дальнейший путь летчиков известен: через Кокфостерс в лагерь номер 13.

Майор Фанельса (между прочим, пока он находился в плену, ему было присвоено звание подполковника) был офицером старой закалки, продуктом профессиональной германской армии и истинным джентльменом. Лучшего командира мы и пожелать не могли. Кроме того, он был в прекрасных отношениях с начальником лагеря, и это было нам только на пользу.

Ели мы все вместе, и каждый прием пищи затягивался надолго, спешить нам было некуда. Еда в этом лагере была совсем недурна. Позже, в 1945 году в Канаде, мы практически голодали, это было так называемое «воздаяние за Бельсен». В тот период пища была единственным предметом наших разговоров. Ничто, по моему мнению, не способно так деморализовать человека, как голод. Сегодня мне становится стыдно, когда я вспоминаю, какие подозрительные взгляды я бросал на тарелку соседа, чтобы убедиться, что он не взял из общей миски больше, чем ему полагалось.

Приготовлением пищи в лагере номер 13 ведал шотландец, которому помогали англичане и несколько немцев. Жаловаться нам было не на что: питались мы хорошо, да еще получали разные дополнения к рациону в виде шоколада, печенья и кексов.

Вторую половину дня мы обычно посвящали играм: гандболу, футболу и теннису. Иногда писали письма.

Мы имели право раз в месяц отправлять по два письма и три открытки. Каждое письмо следовало писать на особой бумаге, предоставляемой комендантом лагеря, и оно не должно было содержать больше двадцати пяти строк. Письма подвергались цензуре, сначала британской, затем немецкой. Мы, конечно, прекрасно знали об этом, и поначалу я старался не писать о чем-то глубоко личном, и хотя через некоторое время моя чувствительность несколько притупилась, я все же продолжал ощущать некоторую неловкость. Долгое время моя переписка была односторонней. Первое письмо от моей жены (написанное в декабре 1940 года) я получил в апреле 1941 года к тому времени я уже был в Канаде. Телеграмму, отправленную через Красный Крест и извещавшую меня о рождении сына, я получил в конце мая, уже после того, как мне пришло письмо с первыми фотографиями малыша.

Писание писем было своего рода священнодействием, и процесс этот всегда отнимал довольно много времени. Во-первых, мы должны были как-то уложиться в те самые двадцать пять строк, поэтому старались вместить в них как можно больше слов. В то же время писать нужно было разборчиво, так что проблем у нас хватало. Кроме того, у нас, подводников, была еще одна причина тратить на письма много времени. Адмирал Дёниц горел желанием получить хотя бы какую-нибудь информацию от пленных офицеров-подводников в надежде как-то использовать эти сведения. Убивать свое время на чепуху вроде изобретения невидимых чернил нам было жаль, поэтому наше командование разработало очень простую систему коммуникации, которая не требовала никакой маскировки. Секретные сообщения передавались с помощью определенных слов в обычном тексте письма. Составляя письмо, мы внимательно следили за тем, чтобы оно содержало необходимые слова, а это порой занимало долгие часы. Я помню, как целый день бродил по лагерю, прежде чем придумал, как вставить нужное слово в текст письма так, чтобы оно подходило по смыслу и сам текст не вызвал никаких подозрений.

Не знаю, как долго работала эта система, но о том, что британцы разгадали нашу хитрость, мы узнали лишь через три года. Мы поняли это, когда один из наших товарищей, совершивший побег, был схвачен в месте, о котором враг мог узнать только из нашей переписки.

Сначала наши письма прочитывались германским командованием и лишь после этого переправлялись нашим родным. Временами стиль моих писем или причудливые формулировки фраз ставили мою жену в тупик, но тайну она так и не узнала. К тому времени моя переписка с женой стала регулярной. Письмо из Англии доходило до Германии за четыре недели, почти столько же времени шли письма из Канады. За доставку этих писем отвечал Красный Крест, которому я очень признателен за это. Наша переписка много значила и для нас, и для наших родных. С помощью писем мы могли поддерживать друг друга и решать возникающие семейные проблемы. Немцы, находившиеся в русском плену, не имели возможности писать домой, из-за чего произошло много трагических недоразумений. Жен-

щины, считавшие своих супругов погибшими, снова выходили замуж, а через несколько лет вдруг обнаруживали, что их первые мужья живы. С нами такого случиться не могло.

Национал-социалистический режим в Германии всячески поощрял заключение браков, поэтому к тому времени, когда мы попали в плен, многие из нас были женаты, а прочие официально помолвлены и стояли на пороге заключения брака. В этом случае находившиеся в плену лица могли заключить брак по доверенности, и двое моих товарищей написали необходимые прошения. Через некоторое время их уведомили, что такого-то числа они сочетались браком со своими избранницами. Почта работала с перебоями, и в одном случае наш приятель узнал о том, что он молодожен, лишь через шесть недель после «свадьбы». Стоит ли говорить, что мы отпраздновали это радостное событие, как только узнали о нем. Брак на расстоянии имел одно практическое преимущество, а именно то, что супруга солдата имела право на пособие.

К сожалению, оба упомянутых мною брака не выдержали проверки временем (шутка ли – семь лет не видеть супруга) и закончились разводом.

Глава 5

ГИБЕЛЬ «ИМПЕРАТРИЦЫ БРИТАНИИ»

И вот однажды вечером настала моя очередь рассказывать историю. Поскольку я все еще ждал, что в лагере вот-вот появится командир нашей субмарины, я решил не повествовать о том, как затонула наша подлодка, предоставив это Йенишу. Я поведал товарищам о гибели «Императрицы Британии».

Сначала я позволил себе кинуть маленький камешек в огород люфтваффе. Согласно сообщению, поступившему нам от летчиков, подбитое британское судно находилось в 50 милях от нас. К счастью, на самом деле корабль оказался ближе, иначе нам никогда бы его не догнать: «Императрицу Британии» быстро буксировали в направлении Северного пролива, чтобы укрыть судно в безопасном порту.

Наша субмарина следовала на север. Вскоре по правому борту мы заметили дымок. В этот самый момент в небе показался самолет, и нам пришлось на некоторое время уйти под воду. Когда наша субмарина снова поднялась на поверхность, мы увидели, что замеченный нами чуть раньше дымок уже превратился в огромное облако дыма. Это был дым от пожара, что пылал на борту «Императрицы Британии», за которой мы охотились.

26 октября этот огромный пароход Канадской тихоокеанской линии, следовавший из Гибралтара в Англию, был атакован немецкими бомбардировщиками дальнего действия. Несколько бомб угодило в судно, и на нем начался пожар. Команде корабля удалось локализовать пожар на корме, но на всякий случай пассажиры и часть команды были эвакуированы с судна. «Императрицу» взяли на буксир, а в качестве эскорта приставили к ней два небольших эсминца, которые должны были защитить корабль от вражеских субмарин. Кроме того, в воздухе барражировало несколько самолетов.

Пока было светло, мы держались на почтительном расстоянии от корабля, двигаясь параллельным курсом и постепенно догоняя «Императрицу». Те члены экипажа нашей субмарины, которые не были заняты на вахте, воспользовались передышкой, чтобы немного поспать, так как ночь нам, судя по всему, предстояла жаркая. Я тоже отправился вздремнуть. Когда меня снова позвали на мостик, уже стемнело. Мы находились на расстоянии трех миль от нашей жертвы и отчетливо видели громадный корабль, который тянули два буксира, а также два эсминца по правому и левому борту «Императрицы». Пожар на судне все еще не утих, и багровые языки пламени освещали корабль. На борту нашей субмарины «U-32» царила абсолютная тишина, нарушаемая лишь короткими командами, которые время от времени отдавал Йениш, уже разработавший план атаки. Мы медленно приближались к эскорту «Императрицы». Ближайший к нам эсминец следовал за кораблем на расстоянии от 1000 до 3000 ярдов, то обгоняя судно, то слегка отставая от него. Йениш решил вклиниться между эсминцем и кораблем. Это уже потом командиры подлодок взяли на вооружение другую тактику: пристроившись за эскортом, они с 3000 ярдов выпускали по намеченной цели несколько торпед, и, надо сказать, такая тактика себя оправдывала. Однако в 1940 году наши торпеды не способны были разить цель с такого расстояния, кроме того, мы постоянно испытывали трудности с наведением торпед на цель. Во время Норвежской кампании командиры субмарин не раз кусали себе локти, видя, как их торпеды проносятся мимо цели, поэтому в начале войны атака с расстояния около 300 ярдов считалась наиболее эффективной. На таком расстоянии даже неисправная торпеда могла нанести кораблю серьезный ущерб.

Вскоре расстояние между нами и «Императрицей» сократилось до 2000 ярдов. Эсминец прикрытия, двигавшийся зигзагами, теперь шел в направлении нашей лодки, и вскоре я уже ясно видел нос корабля и даже различал фигуры на мостике. Было очевидно, что нашу

субмарину пока не заметили. Втайне я восхищался выдержкой командира. Будь я на его месте, я бы давно приказал погружаться или пустил бы в эсминец торпеду.

Когда расстояние между нами и эсминцем сократилось до 200 ярдов, он, наконец, повернул и снова направился к «Императрице». Йениш скомандовал полный вперед. Через 500 ярдов мы миновали буксиры, которые нас совсем не интересовали, и вот впереди показалась «Императрица Британии». Субмарина немного изменила курс и произвела выстрел. Две торпеды нырнули в воду и понеслись к намеченной цели. Через двадцать секунд они должны были пронзить стальной корпус «Императрицы».

В действительности же не прошло и десяти секунд, когда раздался первый взрыв. Огромный фонтан воды взвился в воздух прямо перед носом нашей субмарины, и «U-32» содрогнулась от носа до кормы. Торпеда взорвалась раньше времени. Пожалуй, хорошо, что мы не стали атаковать эсминец, иначе это была бы последняя атака в нашей жизни.

С другой торпедой проблем не возникло. Она попала точно в цель, о чем свидетельствовал оглушительный взрыв. На несколько секунд «Императрица Британии» озарилась зеленоватым светом, торпеда угодила прямо в центр судна. Но достаточно ли одной торпеды, чтобы потопить такой большой корабль?

Наша субмарина теперь была совсем рядом с кормой корабля. Эсминцы были приведены в полную боевую готовность, но пока местонахождение нашей субмарины было им неизвестно. Если мы хотели выбраться отсюда целыми и невредимыми, каждая секунда была для нас на вес золота, но Йениш хотел убедиться, что хорошо сделал свою работу, поэтому мы развернулись и выпустили по кораблю еще одну торпеду, поразившую корму «Императрицы».

Тем временем мы на полной скорости уходили от корабля, накренившегося на левый борт. Все наше внимание было обращено не на нашу жертву, а на ее эскорт. Было очевидно, что эсминцы понятия не имели, где находится наша субмарина. А через несколько минут «Императрица Британии» окончательно затонула.

Окрыленные успехом, мы тем не менее не забывали об осторожности и хотели как можно скорее убраться отсюда. Через час мы уже были в 15 морских милях от места катастрофы. Йениш приказал снизить скорость, задал курс и направил командование радиogramму, сообщавшую о нашем успехе. Затем он отправился спать, а дежурные заступили на вахту.

Через несколько часов после гибели «Императрицы Британии» мы получили от командования лаконичную радиogramму, гласившую: «Браво, Йениш!» Радиogramма подняла нам настроение, но уже на следующее утро командование добавило в бочку меда ложку дегтя – ею стала очередная радиogramма, адресованная всем немецким субмаринам: «Всем! Буксиры тоже следует топить». Намек был ясен. Нам даже в голову не пришло атаковать пару буксиров. Впрочем, если бы мы даже и подумали об этом, то наверняка сочли бы буксиры недостойной для себя целью. Строго говоря, наше командование, конечно, было право: топить следует не только корабли, но и буксиры, с помощью которых враг доставляет в безопасный порт подбитое судно.

Когда я закончил свою историю о последних часах жизни «Императрицы Британии», которую все слушали с неослабевающим интересом, настало время для репетиции хора. Меня удивляло, с каким нетерпением мои товарищи ждали этих репетиций. И поражало то, сколько шума они производили во время своих распевов. Лишь спустя некоторое время меня посвятили в тайну: шум призван был отвлечь внимание охраны от работ по рытью туннеля. Наши охранники очень любили музыку и часто пели вместе с пленными. Это было нам на руку, потому что тогда они не слышали звона металла о камень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.